

Регина Лисовская

Уфрфр!

повесть - фэнтези

Фантастическая повесть «Уфф!» — история о «попаданце» в мир компьютерного зазеркалья.

Сказочник «наломал дров». Стремясь исправить шибки, он создает помощников — волшебников, добрых и покладистых. Но зло уже укоренилось. В повести описаны новые информационные технологии и уже устоявшиеся приемы борьбы за власть.

Регина Лисовская

УФФ!

УФФ!

Уткнувшись в прозрачные зеркала,
Бежим от себя и, скупая,
Хотим отыскать те моря- острова,
Что станут пристанищем, раем,
Забыв, что в стекле — проводочков комок,
Разряды электроиллюзий,
Восприняли вымысла дивный чертог
Дворцом без сумы и орудий.
Для дьявола мы, но не для себя,
В угоду поспешно сбежали
От мира, куском проводка теребя,
Его продолжением стали.
Слились с пустотой, там азартно кричим,
И даже азартно воюем.
Безумства диагноз уже различим.
Прощай человек! Аллилуя?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Оружие держу на изготовке. Оцениваю сквозь прицел окружение. Иду по мраморному полу и слышу, как под ботинками хрустит битое стекло. Пока мне ничего не угрожает, но я начеку. Внезапно из-за угла выскакивает враг и палит в меня. Я отстреливаюсь. Враг падает в лужу крови. Одни — ноль. В лоточек падает монетка.

Иду дальше. Навстречу бежит полуголый монстр с бычьей головой, в руке — топор. Стреляю в упор. Эх, промахнулся. Монстр бьет меня топором по голове. Искры в глазах, вкус крови. Я слышал удар стали по кости. По моей черепной кости. Опять лужа крови, но уже моей. Монетка из лотка исчезает. Ноль-ноль.

Новая игра. Захожу в арсенал и выбираю новое оружие. Беру скорострельный восмиствольный ручной пулемет. Нужно испытать. Стреляю по стенам, окнам, деревьям. Очередями сношу все подчистую. А вот еще — ПТУРС, он же «Фауст-патрон». Это — самое мощное оружие в арсенале.

Поднимаюсь по лестнице. Вокруг — скульптуры, вазы, цветами. Сумерки. Открывается дверь и на меня бежит «ниндзя» с мечом. Я нажимаю на курок — бабах! «Ниндзи» нет, меча нет, дворца тоже нет. В мой лоток монетки

сыплются шквалом. Успех!

Еще поиграть? Нет, некогда. Нужно работать.

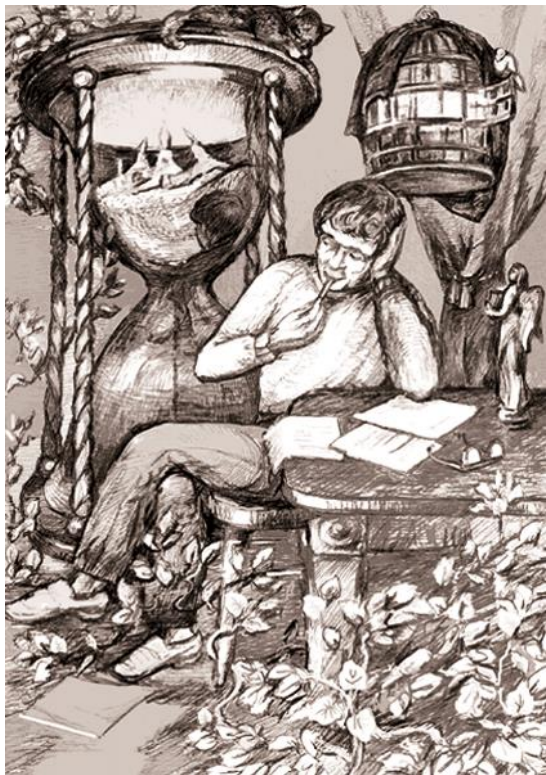
Поставил этот диск только из уважения к Лешiku. Лешик — мой сосед, мальчик десяти лет. Поставил, чтобы посмотреть. Чисто из уважения к пацану. Если признаюсь, что его игры меня не занимают — нашей дружбе конец.

Взамен дал почитать новую книжечку. Но я уверен, что Лешик просмотрит картинки, но до чтения дело не дойдет. Лешик отдаст книжку чистенькой, без заломов, без пятен. Дети так не читают. Лешик будет держать книжку примерно неделю. Потом при встрече будем обмениваться мнениями: «Ну как? Понравилось?»

«Да ничего, так себе, — соврет Лешка, — есть вещи покруче. Там — такое месилово!»

У меня в его возрасте был только тетрис. Червячок ползал, изгибался, его нужно было заманить в ловушку. О современных аркадных играх я даже не мечтали. А Лешик уже мечтает о play-station.

Однажды я спросил: «Почему твои игры все на один манер: страшные, с кровью?» Лешик ответил, что с красивыми рыбками и забавными человечками игры давно устарели. Сейчас они — «полный отстой».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО-ТО ПОЛУЧАЕТСЯ

Я — сказочник. Все сказки уже выдуманы, но, вопреки этому, я опять сижу и пытаюсь выдумать что-нибудь новое: парадокс профессии.

Вожу без нажима карандашом по бумаге, вспоминаю прекрасные сказки моего детства. Кажется, я попусту трачу время. Отчаялся и очень устал.

Книги детства! Как вас много было! Все разные: в жестких, переплетах, мягкие сборники, серии, толстезные опусы, вроде «Незнайки на Луне». А еще — книги о невероятных приключениях и тонкие яркие брошюры для самых маленьких. Все перечитывалось до дыр, до истрепа. Бывали дни, когда все книги с помощью полосок бумаги и листов картона, клея и ниток возвращались к жизни.

Восстанавливались обложки. Здесь я изощрялся в вензельках и буквицах. Когда лечение книжек-калек заканчивалось, я перечитывал любимые истории заново.

Черно-белые картинки мне не нравились. Я их подрисовывал цветными карандашами и фломастерами. Часто дополнял чем-то своим, становился соавтором взрослых дяденек и тетенок. Я и Пушкин!.. Забавно.

Чиня книгу, я думал, что когда-нибудь напишу большую-пребольшую «Сказку сказок», соберу в ней всех любимых персонажей, а потом проиллюстрирую эту книгу огромными, на две страницы картинками. Текстов там будет мало, разве что — по несколько строчек по углам. Картинки сами должны рассказывать о происходящем! Однажды я прикинул, сколько будет весить такая книга, и ужаснулся: не мене пуда.

Нет, больше! От идеи пришлось отказаться.

Прошло много лет, я втянулся в написание сказок, и убедился, что писательский труд не так прост.

Самое тяжелое в этой работе — начать. Я могу сидеть перед листом бумаги часами, днями, даже неделями, елозить там карандашом, всматриваться в сетку случайных линий. Я часто нервничаю, делаю нетерпеливые росчерки, зигзаги, рамочки, и процесс заканчивается ничем. Лист сминается, уходит в урну и опять все заново.

Перед очередной попыткой выжать из себя что-либо гениальное я разложил перед собой бумагу и стал рассматривать там марашки собственных зрачков. А не нарисовать ли овальчик? Это будет голова. Ниже — еще один овальчик. Это — туловище. Ого! У меня что-то получается! Дальше: толстенькие ручки с пухленькими

пальцами, ножки в широких брючинах, тупоносые ботиночки, пиджачок. К голове пристраиваю два маленьких ушка, рисую пару глаз и оттопыренные губки. Нос рисую маленьким: не люблю больших носов. На носу ставлю две точки. Это — ноздри... Ой! Этот «кто-то» засопел!

— Привет! — говорю «кому-то», — Ну, с днем рождения тебя!

— Привет! — ответил мне персонаж, улыбаясь.

«Зубы получились такими же толстыми, как и пальцы» — промелькнуло в моей голове.

— Придумай мне имя, сказочник! — попросил персонаж. — Очень нужная вещь для общения!

Я задумался, завертел в руке карандаш... Меня осенило! На карандаше была надпись: «Богемия». Красивое слово! Но это слово — женского рода. Я его решил переименовать и написал у ног персонажа: «Богемль».

Вдруг этот мой персонаж стал таким важным-преважным, начал осматривать свой костюм, обувь, что-то подчищать там, а потом попросил:

— Сказочник! Нарисуй мне цветочек в петлицу!

— Ты что, жениться собрался?

— А почему нет? — последовал ответ.

Я подумал, что он прав: все добрые сказки

должны заканчиваться свадьбой. Но существование Богемля только начиналось! А сюжет, коллизии, перипетии?

— Не рановато ли? Я вижу: ты из тех, кому подавай все и сразу!

— Но сказочник! Ты — добрый сказочник или нет? Не хочешь помогать — я сам буду свои проблемы решать!

С этими словами Богемль развернулся ко мне спиной и побежал вглубь листа.

— Эй, постой! Так — не честно! — завопил я.

Было ужасно досадно за то, что я так долго мучился над выдумкой этого Богемля, а он взял и удрал.

Посовестив себя за то, что не смог договориться со своим детищем, я разработал тактику возвращения его обратно.

«Конечно же, ему нужна пара» — подумал я и стал рисовать красивую девушку в модной шляпке, уделяя при этом внимание форме ног, общему силуэту и изысканности наряда: все, чтобы угодить главному герою.

Рисунок был хорош, оживал сразу. Девушка подсказывала: «Реснички, будьте добры, погуще, подлиннее, а юбка — чтобы с клешем была, здесь — рюшечка, а поля шляпки — широкие, нет, еще шире...»

Когда я заканчивал, из глубины листа

показался Богемль. Он стоял в сторонке и наблюдал за моей работой. Видно было, что рисунок девушки ему нравится. Впрочем, он не сдержался от ремарки:

— Ножки длиннее рисууй!

— Но тогда она будет выше тебя! — попробовал я спорить.

— Это — ничего! Это самое — то! — радостно сказал мне Богемль, переминаясь с ноги на ногу, выказывая нетерпение.

Девушка получилась обворожительной. Она подошла к Богемлю и попросила его:

— Не хотели бы вы предложить даме пиджак? Что-то зябко здесь.

Я поймал себя на мысли, что поселил своих персонажей в заснеженную степь. Нужно было срочно улучшать среду обитания.

Сначала я нарисовал в углу листа солнышко с длинными лучами, внизу набросал зеленую травку, несколько цветущих деревьев, птичек и зайчика.

Богемля и девушку перестало трусить от холода, они наблюдали за моим трудом, кивали с удовлетворением, но потом отвернулись спинами и стали перешептываться.

Я воспользовался этим моментом и подписал под девушкой: «Элита». Я хотел написать «Аэлита», потому что мне это имя нравится, но второпях пропустил букву «а». Исправлять было

поздно: Богемль уже шептал: «Элита, милая, Элита!»

— О чем вы там шепчетесь, молодые люди? — спросил я строго.

Элита развернулась, стала в позу истца и предъявила претензии:

— Уважаемый сказочник! При всем к вам нашем уважении, мы просим заметить, что выпустили нас в свет практически голыми! Где дом? Где машина? Должны же здесь быть какие-то дороги, магазины, кафе, рестораны! Как, по-вашему, мы здесь будем существовать? А?

Уф-ф! Началось! Если они так сразу на меня напали, что будет дальше?

Я стал оправдываться рассуждениями о том, что счастье нужно добыть в нелегкой борьбе, что по законам жанра должна быть победа добра над злом, тернистая дорога и прочее.

К моему великому удивлению, меня никто не слушал! Сказка стала развиваться по своим внутренним законам и помимо моей воли. Кто я вам теперь? Никто?

Элита побежала по лужайке и стала звать зайчика поиграть с ней. Она делала это, причмокивая, как подзывают обычно собачек: «Лопухий! Беги ко мне! На, на, на! Иди ко мне! Апорт!»

Мне стало не по себе: зайчик, конечно,

поучился неказистым. Но зачем произвольно трактовать персонаж?

Тем не менее, то, что я, назвал зайчиком, прыгнуло на Элиту и лизнуло ее в нос.

Вконец осерчав, я перевернул лист и решил в рисунок больше не заглядывать. Ничего, ничего: проживут без меня! Как-никак — весна, солнышко греет. Пускай поживут там своим умом — посмотрим, что у них получится, а у меня — свои дела!

Раздосадованный, я стал ходить по комнате кругами. Когда же чуть успокоился, подошел к столу и перевернул страницу рисунком вверх.

Там, по-прежнему, светило солнышко, цвели деревья. пели птички.

Но Богемля и Элиты не было! Вдруг они выглянули из-за обрезов листа и прокричали мне в лицо хором: «Сюрпи-и-из!» Все это шоу завершил лопухий заяц: он высунул свою тупоносую морду и тьякнув: «Ав!»

Сюрприз тронул меня до глубины души. Но не это главное! Я понял, что эти трое — члены моей семьи. Тьху ты! Нас стало больше за счет моих рисунков! Друзья персонажи! Какие сюрпризы еще от вас ждать?

ГЛАВА ВТОРАЯ ОНИ ТРЕБУЮТ!

Да-а! Вот это я себе проблем подбросил! Этим ребятам палец в рот не клади! А еще придется с ними как-то ужиться! Того и смотри: не я, а они задергают ниточками! А к чему это все может привести? И насколько я добр к Богемлю, к Элите? Насколько я искренен в желании устроить их судьбы благополучно, безоблачно, без тени укоров? А если я в отношении к ним и не добр вовсе, если я свалю на них обиды, претензии и злость? Это сразу отразится на ходе сказки, усложнит мои отношения с персонажами, а потом — все насмарку.

Я нарисовал на зеленом лужке торговую палатку на колесиках, над палаткой раскрыл полосатый зонтик, над зонтиком извилистыми линиями обозначил витиеватый дымок — это аромат готовящейся там шаурмы. Под зонтик я поставил человека с восточной внешностью — горбоносого с густыми бровями. Тот сразу же стал колдовать над мясной горкой, подсыпать туда специи, регулировать жар, улыбаясь при этом «во всю» златозубой улыбкой.

Откуда золотая краска? Странно. Оказывается, в сказку изначально были заложены драг. металлы. Когда, кем?

Запах жареного мяса усиливался. Я

порадовался, что «мои» скоро будут сыты, а потом вспомнил и о себе: я же еще не обедал! Пойду я поджарю яичницу. Маша ничего не готовила: ей на работу рано выходить. Тем более что, по ее мнению, моя занятость совсем не предполагает, что я занят. «Милый, ну приготовь себе что-нибудь, я полетела!» Кому-то — полет, а кому-то — яичница.

Я глотал свой обед, не чувствуя вкуса. У меня было подозрение, что моя сегодняшняя затея добром не закончится.

«Ничего, — утешал я себя, — никогда не поздно взять ластик и стереть в сказке все. Проще простого: утилизация в прошлое».

От еды я раздобрел, стал думать позитивно.

Я уже представил, как нарисую моим Богемлю и Элите пенное море, старинный замок, карету с лошадьми и еще что-нибудь в виде сундука с самоцветами. Для Элиты нужно будет придумать колдовство-расколдовство или дерзкое похищение: Пусть Богемль поволнуется, за счастье свое потрудиться изволит. От такого отношения только крепнут. Я так и вижу, как мой Богемль в пыльном плаще верхом на вороном коне скачет по длинной дороге. В конце все устроится, зло будет наказано, Богемль выйдет из битвы героем. И эпилог. В этом эпилоге слова: «И я там был, мед-пиво пил» Хорошая концовка! Мне же, сочинителю — хвала и почет! А из Вислоухого

сделаю тролля. Он будет жить в корнях деревьев и тайно помогать Силам Добра. Его тоже позовут на свадьбу. Будет он там не посаженным отцом — это было бы слишком — а будет он почетным гостем. Он подарит молодоженам какую-нибудь волшебную безделушку. Какую? Потом придумаю.

Я взял лист со сказкой и вложил его в сканер. Сказка благополучно перешла в «цифру». Замок с высокими башнями я решил моделировать в 3D.

Когда всё мое бумажное творчество переселилось на жесткий диск и осело там, в виртуале, изнутри монитора раздалось постукивание по стеклу:

— Эй, уважаемый! За три шаурмы дэнги давай!

Уважаемый! Ничего себе! Так меня еще никто не называл! Я с недоумением посмотрел на экран.

Передо мной стоял златозубый шаурмист в выжидающей позе, на заднем плане — Богемль, за ним — Элита и Вислоухий. Все набивали щеки теплым фастфудом, при этом еще и подкармливали крошками стайку оголтевших от халявного счастья голубей.

В долг, да еще и за мой счет! Это что же? Вся эта орава из моего кармана станет кормиться?

Я нарисовал большую пачку банкнот, вывел на каждой купюре герб некоего виртуального банка, нарисовал гордый профиль какого-то вождя

в короне в обрамлении лавровых и дубовых веточек — крест-на-крест. Кто он? Не важно! Они на купюрах — все одинаковые. Зевсоподобные красавцы.

Для большей убедительности я еще добавил и надпись, напоминающую о неминуемом преследовании за подделку банкнот. Потом все это всучил шаурмисту — в оплату за три порции шаурмы!

— Уважаемый! Ты мне что за фуфло суешь? Я же говорил тебе: дэнги давай! — запротестовал златозубый.

Мне пришлось долго объяснять правила игры. Я уверял шаурмиста, что именно такие деньги здесь ходить будут, что я — автор, а значит — хозяин и я так хочу. Убеждал я эмоционально и резко: нервы уже не выдерживали. Мне казалось, что с другой стороны экрана мной собираются манипулировать! Подергивать ниточками решили? Кто я вам — кукла марионетка? Нет, братцы, так не пойдет!

Шаурмист спросил, как мои деньги называются. Я замялся. В голове вертелись разные названия, но не затягивать же паузу. Я ляпнул:

— Эти деньги называются... ЩасЛЯками!

Моя натренированная фантазия вовремя подкинула словечко — производное от «счастье», «счастливый» и «Щас заплачу!».

— Ара-э! Уважаемый! Вижу, с вами здесь

разбогатеешь не скоро! — заворчал златозубый. Он был очень недоволен, но деньги все же пересчитал и спрятал их в карман. Сделка состоялась.

— Папа! — С неожиданной сентиментальностью обратился ко мне вдруг Богемль. Он вытирая губы платочком готовясь, по-видимому, сказать что-то важное. — Папа, дай денег на мелкие расходы! И на не мелкие — тоже!

Это «Папа!» на мгновение согрело сердце, но эйфория быстро прошла.

«Сынок!» Хм-м! Конечно, он прав. С одной стороны он — мое детище. Вернее сказать — детище моего воображения. И я виртуально ему папочкой прихожусь. Но за виртуальное отцовство вдруг понести вполне реальную ответственность? Нет! Моя ответственность здесь — обычная, приземленная, как за проступок непреднамеренный, лишенный злого умысла. Неподсуден, совестью — чист, свободу Юрию Деточкину!

Да что же это все на меня сегодня сваливается?!

С этими мыслями я взялся рисовать две банковские карточки «Щасливого банка». Обе карточки были на сто миллионов щасляков — с запасом, чтобы решить денежный вопрос раз и навсегда.

Карточки я, вручая Богемлю, прокомментировал весьма щедро:

— Возьми, сынок на безбедное будущее!

Я вложил в эти слова и иронию, но «сынок», ее не заметил. Он деловито повертел в руках карточки, взял под руку невесту и удалился на поиски торговых точек, исчезая в золотистой пелене «безбедного будущего».

А продавец шаурмы приподнял тележку и покатил ее в другом направлении. Я очень удивился, что Вислоухий последовал не за Богемлем, а за шаурмистом.

— Никакого альтруизма нет у собаки! — иронично прокомментировал я вслух и очень громко. Так, чтобы Вислоухий это услышал. Песик весело помахал мне хвостиком. Я заметил, как он жадно вдыхал пары жаренного мяса, и понял, что у этой собаки совести нет.

Стало ясно, что сказка окончательно вышла из-под контроля. Она стала непредсказуемой: персонажи объединялись в анклав, перегруппировались между собой без моего на то согласия и согласно своим личным предпочтениям. Запросы у них — далеко не сказочные, вполне приземленные. Меня это раздражает.

После всех своих треволнений я прилег отдохнуть. Яичница бродила по кишечнику и не хотела подружиться с ферментами. Все произошедшее не содействовало пищеварению. Лучший выход — вздремнуть. После фантазерства

я сплю как убитый. Я лег, но сон не спешил меня успокоить.

Нет! Вы посмотрите на эту новую парочку: шаурмист и Вислоухий? Невесть что!

В моем воображении предстали картинки, в которых собачка и торговец мясом уничтожают невинных животных, алчно их потрошат и сажают тушки на вертел, а потом — жарят, жарят... Фауна моего сказочного начинает оскудевать. А эти двое богатеют и богатеют. Хорошо, что у меня в сказке электронные деньги — нули накручиваются, цифры на счетах увеличиваются, а мне до этого дела нет: законы современной экономики! Все богатства — условны, виртуальны, фук! Мне это подходит. Пускай радуются количеству ноликов!

Мясник и собачка, собачка и мясник... Ой!

Вислоухий, Вислоухий! Такая маленькая, такая доверчивая собачка! Вислоухий!!! Миленький, хорошенький! Где ты? На-на-на!

Я вскочил и бросился к монитору.

ТРЕТЯЯ ГЛАВА ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНЫЙ КАТАКЛИЗМЪ

Я знаю, что в этом месте твердый знак не нужен. Но здесь я буду тверд, решителен, пойду до

конца. То, что я затеял — совсем не воздушное, не розово-нежное. Потому что я разъярен. Вот почему.

Когда в очередной раз я заглянул в свою сказку, то обнаружил в ней два дорогих автомобиля. Оба — с массивными никелированными бамперами, покраска — «перламутр с искрой», длиннющие, с кожаными салонами. Одно авто было синее, второе — оранжевое.

В синем сидели шаурмист и Вислоухий. Оба были одеты в кожаные куртки с заклепками, с серебряными цепями на шеях — вперемежку со всякими амулетами, готическими побрякушками, с «фенечками» на руках и лапках. На обоих были широкополые шляпы, с теми же цепями вместо.

В оранжевой машине сидел Богемль. Был он в белом фраке, с белой хризантемой в петлице, в белых кожаных перчатках и модельных белых туфлях. Рядом сидела Элита. Она была неотразима. Своим одеянием Элита напоминала миллионершу с Беверли-Хилл: алый костюм, приталенный до «не вздохну» и такого же цвета шляпа с полями диаметром не менее метра.

Вся эта уважаемая компания смотрела на меня надменно и даже вызывающе, хотя реально все находилась ниже моего подбородка на тридцать сантиметров.

— Отец родной! — заговорил Богемль. — А

денежек-то маловато отписал! А они, к тому же, дутыми оказались. Половину суммы инфляция съела. Короче говоря, рисуй, папа, деньги!

Вот как ты заговорил! Да! А чего еще от вас ожидать? Я виноват, признаю. Хотел, чтобы протекало все гладенько, без особых усилий. Расслабился — и вот он, результат!

Вместо ожидаемых денежек я нарисовал на горизонте похожий на фурункул вулкан, подписал его «Тятя» и взорвал к чертовой матери. Экран заполнился россыпями болидов, кипящей лавой, изломами трещин.

Это тебе — за «Денежек дай!» Это тебе — за «Отца родного»!

В виртуале трясло. Реальная вибрация перекинулась на компьютерный стол.

Тятя громыхал, плевался камнями, горел и дымился. Трещины сами по себе неумолимо тянулись в разные стороны и углублялись в сказочную твердь.

Провалы глотали деревья, горела трава и почва, а я с наслаждением Мефистофеля наблюдал свой Катаклизм и размышлял о бренности бытия.

«Какое же оно зыбкое — сонное обывательское благополучие! Эта — та ситуация, которая активизирует силы организма, ум человека, — думал я, — пускай мои персонажи теперь учатся выживать: для этого у них сейчас

есть все. Наверное, именно так, в первобытном пепле, тренировались мышцы и мысли питекантропа перед тем, как он стал великим Homo Sapiens...

Мои философские размышления оборвал вид стайки мародеров. Они подхватили на руки Элиту и скрылись.

Сказка продолжала разрушаться. Автомобили Богемля и златозубого шаурмиста упали в пасть разлома. Вислоухий метался и отчаянно тьявкал. В какую-то минуту и он сорвался, с визгом слетел в пропасть. Помочь ему в этой суматохе я не мог. Шаурмист налетает на Богемля, бьет его в грудь, орет: «Ты во всем виноват!» Богемль цепляется за воротник шаурмиста и орет ему: «Это — все твоя, фраер, жадность!» Я вмешиваюсь. В драке уже участвуют трое: шаурмист, Богемль и курсор моей мышки. Я пытаюсь растащить дерущихся, но тщетно.

Еще миг — и оба окажутся в расселине! Но опомнились, разошлись.

Богемль с ловкостью принтера перескакивает огнедышащие разломы. Его белый костюм — в черных пятнах копоти. Снятый пиджак Богемль использует как щит против пламени. Богемль удаляется в направлении, куда убежали мародеры с Элитой, его силуэт исчезает за дымом и пламенем.

Златозубый был на виду дольше всех. Он

пытался спасти тележку, но не смог удержать ее. После тщетных усилий Златозубый плюнул, прикрыл шляпой рот и стал спасаться сам. Дальше я ничего не видел: дымом заволокло картинку, зарябило, пошли полосы. Windows оповестил о сбое и отказе виртуальной памяти.

Запахло дымом у меня. Видимо, перегорела какая-то плата. Все кончено: сказка не получилась, комп сломался. Да пошло оно все!..

В отцовском возмездия, конечно, я зашел слишком далеко. Но в этом была своя логика. Если же я в чем-то виноват, то пусть угрызания котятся колбаской по улице Спасской: я расквитался с надменными вымогателями!

Еще я успокаивал себя так: «Картинка не получилась. Неудачи неизбежны. Жизнь «полосатая». Успехи должны чередоваться с фиаско: такова жизнь. Но потом будет нечто приятное — по логике вещей».

Ожидаю белую полосу. Ничего не предпринимаю: само подкатит.

Приятная новость: я могу мыслить глобально! Это уже не «кролик встретился с лисом» Теперь можно говорить о написании большой-пребольшой сказки с толпой персонажей, можно рассказать бесконечные истории о судьбах человеческих, бродить в космических мирах и прочее, и прочее.

Я снял крышку компьютера, осмотрел там

внутренности. Видимых повреждений нет. Попробую открыть файл. А вдруг «Тятя» уже успокоился?

И в самом деле, улеглось. Дымок рассеялся, не трясет, Тятя дремлет, покуривает: перенервничал старик.

Нет, нет! На себя всю ответственность взваливать на себя не стоит. Нужно было начинать повествование с простого: «Жил-был царь» Жил он там, управлял всея и всеми. Если бы я вдруг со своей стороны напортачил — он бы за мной подправил. На то царям и полномочия даны! Отдам ему власть, казну дам, челядью со всех сторон окружу, войск наштампую дивизий семнадцать, мудрецов настоящих приставлю, таких, чтобы «с семью пядями во лбах» — пусть думу думают, пусть решают, как сделать все красивенько, ладненько, с пользой для себя и народа! Пусть будет все, как в обычной сказке: легко, беззаботно! Не получится? Получится! «Герои особо и не страдали, а за то, что чуток пострадали — воздалось им в итоге сторицей» Решительно с царем легче будет!

Срочно придумываю имя наместнику. В голове мелькают имена разных античных героев. Все — не то! Харизма должна быть уже в самом имени. Произнесенное вслух имя царя заставлять коленки дрожать. «Царь пришел!» — все пали ниц.

Пишу дрожащей рукой: «Ха-Ризма-ти...» А
что? Звучно! Сразу понятно — речь о царе.
Уф-ф! Можно передохнуть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЦАРЬ «ХА-РИЗМА-ТИ»

Царь диктует писарю:

«В обстановке крайне затруднительной, ввиду разрушительных последствий землетрясения, а также с целью устранения разрухи и обнищания жителей царства-государства нашего велю: призвать к восстановительным работам все мужское население, юношей от четырнадцати лет — также, а гужевой транспорт изъять у всех, но временно, дабы камни растащить, дороги от завалов освободить. Сим указом обязую обеспечить тружеников тех едой, питьем и чтобы — в

достаточном количестве. Приказываю выдать орудия труда из царских хранилищ. Трудовую армию поделить на сотни и приставить к тем сотням мудрых наставников. Старательных велю поощрять деньгами и одарять подарками. А если денег и подарков не станет — словами хвалить. На слова добрые не скупиться, потому как этого — в избытке есть. Царь» Нормальный царь получился!

Писарь дописал указ, посыпал сверху лист песочком и с поклоном вышел. За стенами дворца тут же завопили голоса вещунов-глашатаев. Они выкрикивали слова указа, разбегались все дальше и дальше, а потом их голоса, подобно эху, стихли.

Царь — все еще за письменным столом. Сидит, думает о чем-то.

Вот-вот! Царь не отдыхать, думать должен! Своим виртуальным наместником я доволен. Вполне!

А Элиту и Вислоухого я вытащу. Более того, я уверен, что Элита сама бандитов под каблук поставила. С нее не убудет! Представляю ее в роли атаманши. Мародеры просчитались: не они в плен девушку взяли, а сами попались.

С Вислоухим еще проще. Провалился в глубины земель сказочных — вытащим. Пусть побродит там, обнюхает хорошенько. Карту подземных ходов буду иметь. Про запас.

Идти на прием к царю! Что я у него

попросить? Первое: объявление розыска Элиты. Второе: экспедиция спелеологов в подземные пещеры. Всех найдем, всех спасем.

Нужно бы правителя подарочком задобрить. Что обычно дарят царям? Конечно, у царя есть все. Но чего-то маленького, незначительного не хватает даже царям. Чем я согрею старичку душу? А если шапку-невидимку? Банально.

А подарю-ка я ему волшебный карандаш! Мелочь, но в хозяйстве всегда пригодится! Из рук, так сказать, автора примите пожалуйста-с! У него стоят гусиные перья, свинцовые грифельки разные, печати из нефрита разложены. Свой карандаш я преподнесу с дарственной речью — многословной, торжественной. Расскажу о том, что карандаш этот осуществляет задуманное. Еще что-нибудь наплету — по обстановке. Ибо... Ибо красивые слова делают пустяшную вещь настоящей жемчужиной!

Царя я нарисовал высоким, седоволосым, с густыми прядями кудрей до пояса. К такому если идти, то с поклоном. Представляю, как он сейчас затрубит басовито: «Слово молвить хотел? Молви!»

Бывало, откроешь книжицу, а там царь — не царь, а карлик грушевидной формы. Разве так правильно? Он здесь что, крендельки есть будет? Здесь не брюхо нужно, а голова светлая.

Царские покои рисую с открытой террасой, чтобы восходом солнца можно было любоваться.

На стенах — росписи. Сюжет такой: мифические герои побеждают страшных чудовищ. Колоннада из красного гранита несет на себе своды террасы. Все увито малиновыми листьями зрелого винограда: осень. За колоннами — вид на озеро. Вокруг озера — скалистые горы. Вдоль берега — хвойный лес. Закат. Буйство красок. Пурпурное солнце усиливает насыщенность красного. Горы теряются в малиновом зареве тумана над озером. Сюрреалистично. Как у Феллини. Мне нравится.

В такой обстановке я бы и сам поселился. С озера — ветерок, но не сильный, легкий, приятный такой, свеже-бодрящий.

Совершенно идеальная обстановка для встречи на высочайшем уровне!

Сейчас царь стоит ко мне спиной. Он склонился над бумагами, что-то пишет там. Я пытаюсь узнать, что он сочиняет. Подхожу со спины, заглядываю...

— А, сказочник! — воскликнул вдруг царь, не оборачиваясь, да громко так. Я вздрогнул. — Заходи, любезный, ты мне нужен сейчас.

Я подошел ближе, но остановился на большом расстоянии. Так по этикету положено: издали с царем говорить. Поэтому тронные залы большие.

— Скажи, сказочник, а зима в этом году рано начнется? После землетрясения запасы провизии уменьшились. Придется муку закупать за границей.

Дворец в ремонте нуждается. Сейчас пишу указ о новом налоге. Хочу брать с выдумщиков и прочих сочинителей вроде тебя налог за каждую новую выдумку? Щасляков этак по двадцать-тридцать? Вам — что, станется? А государство нуждается! Копеечка к копейке — глядишь, и из беды выберемся. Что молчишь, сказочник? Ответ держи царю и немедленно!

Я вытянулся весь, вперед руку протянул с карандаш своим и готовился заговорить. Царь резко повернул ко мне голову. Я обмер: лица-то у царя не было! Я забыл нарисовать царский облик! Блин!

— Подарок мне принес? Для письма — это? — царь взял карандаш из моих рук и воткнул к перьям в стаканчик.

— Испугался, что-ли, сказочник? Почему молчишь? Зачем пришел?

Страшное пятно пустоты опять повернулось ко мне. Я, цепenea от ужаса, опустил голову и смотрел вниз.

Нужно было срочно возвращаться домой — царю лик создавать. Всегда так: спешу, спешу, а потом за поспешность свою плачу дорого.

Я развернулся, чтобы покинуть виртуальный мир, но выйти из сказки не получилось: открытого пространства позади меня уже не было. Была стена, на которой герои и демоны рвали друг друга на части. Они мне гримасничали и, выражали

злорадство.

— Что это ты, сказочник, домой собрался? — спросил царь. — Так быстро? Или тебе что не нравится? Вишь: натворил здесь, насочинял, и с глаз долой? Э, нет, дорогой! Сам ты сейчас в силоч угодил, тобою готовленный. За большие дела берешься, сказочник, а не сподобен. Да и не отпущу я тебя, нужен ты мне! У меня сейчас каждый человек на счету. Твоим первым делом будет — мой царский лик написать. Потом — еще несколько заданий исполнишь, а далее — видно будет. Может, отпущу, а может, и нет.

Я не стал спорить, кивнул в знак согласия, а потом, осмелев, стал выпрашивать:

— А я совсем не по личным делам к тебе, Вашвеличество, и совсем не случайно зашел в царство-государство твое. У меня друзья здесь потерялись — три человека — в общем количестве — и собачка одна. Они где-то в твоих владениях заблудились, возможно, сквозь землю провалились...

— Сказочник, свои просьбы прибереги на потом, будь так любезен. Ты скажи, меня как писать будешь, маслом аль темперой?

— Мне бы сначала наброски сделать, Ваш-вел-во! Писать лик — дело трудное, ответственность в нем большая, и государственная важность здесь присутствует тоже. Я красками

потом подрисовывать буду, после карандашного наброска — сверху. Опять же: карандашик мой, подаренный мною вам давече, уже назад мне нужен. Но, вверну, обязуюсь!

Царь ткнул мне в руки стаканчик со всеми письменными принадлежностями и кипу пергамента в придачу.

— Бери, все что нужно! — сказал. — Сейчас тебя в покои спать проведут. Поспишь, а утром к делу приступай. И еще прошу тебя, сказочник: словами типа «давече» и «нужон» речь-то свою не избилуй зря! У нас, царей, по-другому говорить положено. Литературным языком владеешь, милейший?

Я кивнул.

Меня провели в просторную комнату с мебелью в позолоте. На стол поставили ужин в серебре. Зажгли торшер.

Когда слуга вышел, я осознал, что в плену. Хотя эта комната — совсем не камера голодными с крысами! Ладно, здесь и порисовать можно. А какая разница — где? Маше скажу, что задержался в редакции, попал в пробку, ночевал в гостинице. Такое однажды было. Иногда закрутишься, как белка в колесе. Маша сейчас, поди, сидит, беспокойся обо мне. Цезарь тоже беспокоится обо мне. Цезарь — это наша собака, вернее кобель породы дог. Маша Цезаря погуляет сама. Маша